

Необычайная красота и лаконичность хайку – национальной формы японской поэзии – давно волнуют поэтов и поклонников поэтического творчества во всем мире. Интерес к этим трехстишиям растёт с каждым годом. И кемеровчане – не исключение.

Обсуждение в формате круглого стола, организованное редакцией газеты «Кемерово» на прошлой неделе, было посвящено этому уникальному жанру японской поэзии. В беседе приняли участие Евгений Федорович КАЗАКОВ, доктор культурологии, профессор Кемеровского государственного университета, автор книг стихов «Сосны золотой ствол», «С земли не упадешь»; Юрий Васильевич ДЬЯКОНОВ, заслуженный работник культуры России, член Союза журналистов России, лауреат премии Правительства РФ, фотограф, путешественник; Вера Леонидовна ЛАВРИНА, поэт, прозаик, член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент КузГТУ.

Многие знают, что хайку отличается краткостью – всего три строки – и своеобразной поэтикой. Трехстишие, как правило, изображает жизнь природы и человека в их слиянии, единстве на фоне круговорота времен года. Рифмы здесь нет, но хайку обладает устойчивым метром – в каждой строке содержится определенное количество слогов: пять в первой, семь во второй и пять в третьей; всего 17.

Хайку наполнены благоуханием сакуры, видами Фудзи, шорохом бамбука... И в них отражены тончайшие нюансы человеческих чувств.

Откуда у парня японская грусть?

– Давайте побеседуем о том, почему сибиряков так привлекает японская поэзия, откуда это у нас?

Евгений Казаков:

– Мне кажется, что человека всегда притягивает что-то подлинное, настоящее. Во-первых, есть чувство, что в этом искусстве затрагивается сильное, важное, все, что касается каждого из нас. Подлинность, не иллюзорность, не вымышленность, не оторванность от реальности. Во-вторых, притягивает невероятная красота трехстиший. Красота в образе, в ритме действует на нас магически. И в-третьих, незавершенность – один из важных принципов восточной культуры. Она будит творчество, а каждый человек – творец: хочется додумать, дорисовать образ. В этом отличие японской поэзии от реалистического искусства. Возьмем, например, искусство передвижников: все ясно, кто хороший, кто плохой. Акценты расставлены, не надо особо включать воображение. Трехстишие же – другое искусство.

Прочитав Басэ: «Ива склонилась и спит, // И кажется мне, соловей на ветке – // Это ее душа». Здесь чувствуется какая-то интрига, тайна. Почему соловей – это душа? Может быть, речь о том, что сама ветка, дерево не имеют голоса, и соловей поет не только за себя, он – голос вот этого леса, ивы. Как человек – душа природы, способная выразить не только себя, но и то, что чувствует

Восточный ветер

река, ветер, звезда, ведь сами они этого сделать не могут. Японское искусство рождает в нас творца, и от этого мы чувствуем радость. И тот смысл, который мы видим в японских трехстишиях, создается и развивается тоже нами, в соавторстве с поэтом. Получается, что мы – сотворцы Басэ и одновременно с ним выражаем свои чувства. Это свойство настоящего искусства, поскольку оно – зеркало нас самих.

Юрий Дьяконов:

– У Рубоко Шо есть стихотворение: «То, что не высказал я, // Сильнее того, что сказал». Это к рассуждению о недосказанности. Я считаю, что у нас мало интереса к японскому искусству, а не много. Хотя все, что касается Востока, очень мудрое. В это невозможно не влюбиться. И основная идея у Басэ и других японских авторов, пишущих о любви, – гармония человека и природы. Это самое главное. Например, я немного занимаюсь пешим туризмом, хожу в горы. Там очень тонко чувствуется единение с природой, когда ты открыт ей, чувствуешь ее дыхание, есть возможность если не раствориться в ней, то хотя бы осознать себя ее частичкой. Ощущаешь себя песчинкой во Вселенной и понимаешь, что материальные ценности: деньги, машины, квартиры – не важны. Важно что-то другое...

Вера Лаврина:

– Интерес к японской поэзии универсальный, он существует не только у сибиряков. Как раз у нас он актуализировался чуть позже, чем в других странах, – сначала в 90-е, потом в 2000-е годы, когда стали создаваться журналы, посвященные хайку, появились соответствующие интернет-сайты, международные конкурсы. Представителям любых культур, где есть лирическая поэзия, эти трехстишия понятны и близки. Ведь японская поэзия строится на сезонных образах, так же как и лирическая поэзия. И здесь с Сибирью может быть прямая аналогия, например, никто так, как сибиряки, не ожидает весны. И японцы тоже могут очень ярко выразить ее приход. Приведу пример – стихотворение Кикаку: «Камнем бросьте в меня! // Ветку цветущей вишни // Я сейчас обломлю».

Но я согласусь с Юрием Васильевичем, что в других странах, а

также в других регионах России процесс приобщения к японской поэзии идет более активно, чем в Сибири. Ассоциаций любителей хайку у нас никто не организует.

Юрий Дьяконов:

– Если мы возьмем понятийный аппарат японской поэзии и сравним его с образами нашей поэзии, то что получится? Наши традиционные образы – береза, черемуха, рябина, в песнях есть и вишня. Японцы тоже черпают образы во всех природных процессах: цветение сакуры, хризантемы... Я бы сказал, что они охватывают творчеством все время любви, передают его в стихах. Так, у нас тоже есть прекрасные романсы о хризантемах, например, «Отцвели уж давно хризантемы в саду». И наши поэты пишут о радуге, о росе, правда, это не занимает такого значимого места в поэзии, как у японцев. Они сделали искусством само любованье природой. И главный аспект трехстиший – не растворимое единство природы и человека. Когда я был в Японии, наблюдал такую картину: ранним утром сидит на улице японец, перед ним стакан с водой и какое-то растение в горшке. Я подошел поближе и увидел, что он макает кисточку в стакан с водой и моет это растение, каждый листочек. Наверное, это и есть понимание философии природы.

В гости к самой луне

– В чем сила и слабость маленького стихотворения?

Вера Лаврина:

– Я бы не говорила о слабости, я говорила бы об уязвимости японского трехстишия. Оно очень необычное. И не защищено ни рифмой, ни образами, которых там практически нет. И, когда читаешь эти стихи людям неподготовленным, особенно молодежи, они воспринимают их как своего рода прикол. Я много лет преподаю мировое искусство и культурологию, но редко рассказываю студентам о японских трехстишиях. Однажды я решила и прочла хайку Бусона: «Холод до сердца проники: // На гребень жены покойной // В спальне я наступил». А они рассмеялись. Я спросила, почему они смеются, разве непонятно, о чем это произведение? И стала объяснять, что муж, потерявший лю-

бимую женщину, наступил на ее гребень, а это предмет, который тесно связан с воспоминаниями о ней. Гребень издал звук, такой, как бывает, когда чем-то проведут по стеклу, – просто мороз по коже. Нахлынули воспоминания, а с ними и обострение боли. Разве это смешно? Они согласились, что нет. Или еще пример. Сын (ему нравится поэзия) спрашивает меня, что я написала. Я прочитала свое трехстишие: «Мамин молитвенный // Картонка от чая «Лисма» // На пятидесятом псалме». «И что?» – спрашивает он меня. Я объясняю: дочь держит молитвенный ушедшей матери, поэтому такое внимание к деталям, к закладке, которая находится на определенном псалме, имеющем большое значение в духовной жизни христиана. Перед уходом в мир иной она постоянно молилась. Но тема трехстишия светлая. Да, человек ушел, но с верой и упованием... Уязвимость хайку в том, что человеку нужна определенная культура, чтобы их правильно воспринимать.

И еще один момент: в хайку есть определенные слова, которые повторяются в разных стихотворениях, у разных авторов: осенний вечер, снег, вишня. Вот, например, классическое трехстишие Басэ: «Старый пруд. // Прыгнула в воду лягушка. // Всплеск в тишине». Сколько таких лягушек прыгнуло в воду? Использование

канонов приводит иногда к шаблонности, и нужно уметь отделять зерна от плевел. У Басэ прыгнувшая с шумом в старый пруд лягушка отсылает нас к принципам дзен-буддизма. Кажется, что стихотворение очень простое. Ну, пруд, ну, лягушка, что в этом особенного? Я тоже так напишу. Нет, не напишешь. Нужно иметь такую тонкую настройку, чтобы понять, что в этом трехстишии не просто обычные слова и образы, здесь выражено почти медитативное состояние. Для японца созерцание красоты природы – важный момент на пути просветления. Японское трехстишие – это дверь в мир истины. И вот когда ты будешь находиться на определенном псалме, имеющем большое значение в духовной жизни христиана. Перед уходом в мир иной она постоянно молилась. Но тема трехстишия светлая. Да, человек ушел, но с верой и упованием... Уязвимость хайку в том, что человеку нужна определенная культура, чтобы их правильно воспринимать.

Евгений Казаков:

– Японцы учат нас останавливать мгновение, делать паузы в быстрой жизни. Как правило, мы не успеваем взглянуть в природу, в себя, жизнь проходит в суетном беге. Трехстишия помогают нам останавливать мгновение, наслаждаться им, любоваться. И может быть, из временного бега погружаться в вечные по красоте и силе образы.

Помните, у Брэдбери есть рассказ о маленьких человечках – эльфах? Писатель задумался о том, куда они исчезли. Упомянулись в английских, ирландских произведениях, а потом как-то

Сад и гора вдали
Дрогнули, двинулись, входят
В летний раскрытый дом.

Басэ

нежно касается щёк...

Евгений Казаков.

Вера Лаврина.

Юрий Дьяконов.

Перед вишней в цвету
Померкла в облачной дымке
Приспигненная луна.

Басё

пропали. И вот такая картинка: современный город, молодой человек идет на работу, растет дерево. Все обычно, как всегда. Но вдруг под деревом он видит маленьких человечков, которые стоят, запрокинув голову вверх, и на что-то смотрят. Юноша торопится, взглянул, ничего необычного не усмотрел и побежал дальше на работу. Возвращаясь вечером домой, он с удивлением замечает тех же самых человечков под тем же деревом. Он уже не так торопится, как они делают, и спрашивает, что они делают, на что смотрят. «Мы смотрим, как желтеют листья», – отвечает те. Это и были эльфы... Вот в этом и есть сила японского духа – умение видеть красоту во всех ее проявлениях, умение остановиться и слиться с природой.

– **Достаточно вспомнить их национальные праздники: любованье полной луной, первым снегом, альми листьям кленов. Снег, луна, цветы символизируют времена года. А за ними поэт видит красоту гор, рек, трав, деревьев, красоту человеческих чувств.**

Юрий Дьяконов:
– В японском календаре каждый день какой-нибудь праздник, но нет таких, как у нас – День железнодорожника, День работника пищевой промышленности... Я хотел бы отметить: если человек любит природу, пытается ее понять,

то он и хайку поймет. Сейчас, когда я бываю на природе, то и траву, и листья, и деревья оцениваю по-другому. Вся природа состоит из шедевров, будь то травинка, куст, животное.

Евгений Казаков:
– Я добавлю, что японцы выращивают свои стихи, как растения. Они живые. Растительности в Японии маловато, и, может быть, они пополняют ее на виртуальном уровне. И еще сильно в трехстишиях то, что они учат отгадывать, вносить особый смысл. Помните, у Басё: «О, сколько их на полях! // Но каждый цветет по-своему – // В этом высший подвиг цветка!» С одной стороны, мысль вроде бы очевидная, но она всегда актуальна потому, что уникальность, неповторимость – самое ценное в мире. И прекрасно то, что здесь надо искать смыслы, а их в одном стихе может быть множество. Условная «слабость» трехстиший, на мой взгляд, в строгих правилах: 5-7-5. Для раздольной русской души сложно втискиваться в жесткие рамки.

– **Даже Басё жертвовал правилами ради поэтической стихии...**

Евгений Казаков:
– Наверное, правильно так, как получилось, а не так, как принято. Хорошо, если количество слогов совпало, а если нет, но получился замечательный образ, то

это здорово. Главное, чтобы была яркая, оригинальная идея, которая цепляет, заставляет думать, переживать. А уж сколько слогов – не столь существенно.

Вера Лаврина:
– Но соблюдать размер, чистоту формы трехстиший важно. Это так же, как мы сохраняем народное творчество, тексты литературных памятников. И есть в этом своя прелесть – следовать форме.

Белые сливы в цвету

– **Мы уже говорили о красоте хайку, об очаровании их недосказанности, но каждого из нас привлекает в них что-то особенное, близкое конкретному человеку: поэтичность, философский смысл, родство с природой. Приведу еще одно стихотворение Басё: «Первый снег под утро. // Он едва-едва пригнул // Листики нарцисса». Я даже не хочу думать о том, что хотел сказать поэт, я люблю это трехстишие просто за его красоту.**

Евгений Казаков:
– Смысл заложен в самой красоте. Она значима сама по себе и не нуждается в том, чтобы быть средством для чего-то. Если включить умствование, то можно, конечно, придумать разные интерпретации. Лепесток – жизнь, снег – это то, что угрожает этой жизни. Какая-то утренняя тревога, может быть, страх за судьбу ребенка, за жизнь любимой, волнение о том, что происходит на родине.

Я бы сказал еще о минимализме трехстиший, актуальном сегодня, когда мы все торопимся. Важно за короткое время получить как можно больше информации. А здесь всего три строки – и колоссальный объем информации! Еще и поэтому хайку нам созвучны, ведь наше время требует краткого изложения сути. За две минуты мы можем не только получить какие-то сведения, но и коснуться иной, необыкновенной реальности и запомнить это ощущение. Важна наполненность этих секунд какой-то озабоченностью, открытием.

Вера Лаврина:
– У японцев есть понятие «аварэ» – вздох восхищения перед внезапно открывшейся красотой. В эти мгновения мы переживаем состояние подлинного бытия и од-

Два или три лепестка
Друг на друга упали...
Облетает пioon.

Басё

новременно – дежавю: ощущение первого снега, осеннего вечера можно действительно пережить не раз. Как будто мы на самом деле вышли в сад, увидели сумерки, почувствовали аромат цветов. Это то, что нас обогащает.

Юрий Дьяконов:
– Я люблю хайку просто за то, что они есть. В них восприятие мира в 17 слогах. Когда я написал три строчки, то понял, что этого мне достаточно. Мне не нужны еще две строки, чтобы получилась танка.

Вера Лаврина:
– Япония – островная страна, и, поскольку японцы ограничены в пространстве, они стали мастерами создавать миниатюрное искусство: хайку, бонсай, нэцкэ, небольшие садики. Мне нравится все миниатюрное, компактное, в стиле минимализма. Например, японский дом, где нет ничего лишнего: убрал постель, стол для еды – и сидишь на полу, лобуешься икебачиком, // Отгостила у бабушки // Внучка.

– **Почитайте, пожалуйста, трехстишия собственного сочинения.**

Вера Лаврина:
– На улице я увидела, как малышка поднимает с земли опавшие листья и нанизывает их на палочку от леденца. Какой поэтический

момент! Умершие листья усилиями ребенка вдруг оживают: становятся игрушкой, артефактом. Меня это так поразило, и родились строки: «На палочку от леденцов // Наничувствовали аромат цветов. Это то, что нас обогащает. // И сразу возникли воспоминания: «На осеннем лугу // ярко расцвел огонек – // Воспоминание о тебе». Еще: «Луга судьбы // Богаты разнотравьем, // Но ты – цветок неповторимый». Еще одно: «Музыка осени // В осеннем листопаде – // Какой рекем».

Юрий Дьяконов:
– Пишешь тогда, когда что-то привело на тебя впечатление. Как-то осенью я ходил за грибами. Огоньки уже давно отцвели, но на лугу я увидел один цветочек. И сразу возникли воспоминания: «На осеннем лугу // ярко расцвел огонек – // Воспоминание о тебе». Еще: «Луга судьбы // Богаты разнотравьем, // Но ты – цветок неповторимый». Еще одно: «Музыка осени // В осеннем листопаде – // Какой рекем».

Евгений Казаков:
– Захандрил солнечный зайчик, // Отгостила у бабушки // Внучка.

Судя по лицу – ты идешь ко мне, // Судя по ногам, // И не собираешься.

Все девочки с именем моей дочери // Маша // Глядят на меня, как на отца.

Ольга ЧЕРКАСОВА.

На высокой насыпи – сосны,
А меж ними вишни сквозят, и дворец
В глубине цветущих деревьев...

Басё